

К 70 - ЛЕТИЮ
ТВОРЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГЕРОЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ТРУДА,
НАРОДНОЙ
АРТИСТКИ
СССР
ВЕРИКО
АНДЖАПАРИДЗЕ

70 ЛЕТ на сцене. 70 лет неутомимой славы. Но за этой датой — многотрудная человеческая жизнь, в которой судьба переплела в тугую узел радости и горести, встречи и утраты, волнения и победы. И все эти семь десятилетий озарены светом творчества. Оно было в жизни точкой отсчета и точкой опоры, оно было высшим смыслом и высшим предназначением.

Нынешнему поколению не довелось видеть Верико Анджапаридзе в Юдифи, Маргарите Готье, Офелии, Клеопатре и Медее. Мы только можем, взглянув на рисунки Петре Опхели, представить поразительную пластику Юдифи, ее взгляд, на миг уловить движение кисти руки и поворот головы, мы можем посмотреть на фотографии и портреты в других ролях и убедиться в великом даре внутреннего перевоплощения, но мы не можем испытать того потрясения, которое испытывали люди в зрительном зале, глядя на умирающую Маргариту или безумную Офелию. Поэтому тем более интересны воспоминания актрисы о театре марджановских времен, о своей юности, о годах учебы, проведенных в Москве, о встречах с большими актерами и режиссерами. Рассказывает Верико Ивлиановна спокойно, без всякой патетики, ей вообще чужды поза, стремление к эффектности, с высоты прожитых лет она может поиронизировать над собой. Очень редко, когда особенно увлечется каким-то воспоминанием, воспроизведет чей-то жест или характерную фразу. Тогда она преображается: становится как будто выше ростом, в движениях появляется стремительность и упругость. В разговоре ни под кого не подстраивается, если что-то не нравится, скажет прямо, никогда не старается выглядеть в лучшем свете. Это очень привлекает, если не считать, что она обладает совершенно магическим обаянием и одухотворенной красотой.

«Передо мной никогда не стояло вопроса, кем стать. С детства я воспитывалась в атмосфере творчества, дома у нас собирались литераторы, актеры, что-то обсуждали, спорили. В десять лет я уже играла в домашнем театре, который специально для меня устроил мой отец (причем выбирала всегда мужские роли). Окончив 7-й класс, уехала в Москву, поступила в драматическую школу С. Айдарова. Шел 1916-й год. Время было поразительное, все бурлило и кипело. Не было конца литературным вечерам, выступали Маяковский, Хлебников, Бальмонт, читались стихи Блока, Белого, Северянина, Верхарна... С жадностью я впитывала волнующие театральные впечатления. Это даже нельзя назвать впечатлением, это было потрясением: Шалляни, Станиславский, Михаил Чехов, Москвин, Качалов...

С благодарностью храню в сердце образ замечательного актера Иллариона Николаевича Певцова, который преподавал у нас в студии и которого я считаю своим первым учителем. Он навсегда привязал нас к сцене.

Иногда нам позволяли присутствовать на репетициях Первой студии Художественного театра. Так я увидела Михаила Чехова, поразившего меня. Это он, услышав, что мы ученики школы Айдарова, сказал: «В школе актерству нельзя научиться». Позже я поняла его слова: действительно, актер учится всю жизнь — у больших мастеров, у партнеров...

На какие только ухищрения мы, студенты, не шли, чтобы увидеть и услышать Шаллянина, буквально ошеломлявшего своим драматическим талантом, или попасть на спектакли Художественного театра. Никогда не забуду «Месяц в дерев-

не» Тургенева. Я сидела в задних рядах какого-то яруса. Все мое внимание сосредоточилось на одном человеке: Ракитине — Станиславском. У меня возникло ощущение, что между мной и ним нет расстояния, я видела все — выражение лица, глаз, чувствовала малейшее изменение настроения, будто он находился рядом со мной. Это как в кино, — крупным планом выхватывалось одно лицо. Но сам актер никого не заслонял на сцене — напротив, он возвышал всех вокруг себя. В чем тайна такого воздействия?!

Позже я поняла, что Станиславский — актер обладал редчайшим сочетанием внутренней правды пережи-

рет, она сказала: «Отарова вдова — это я». Она имела в виду не только судьбу этой женщины, но и ее характер. Может ли быть более полное растворение в образе? Сейчас уже эту роль она не играет — «для сцены нужны не только духовные силы, но и физические». Но без театра тоже не может. В новом спектакле «Ромашка», поставленном Софико Чиаурели, она появляется в роли полусумасшедшей старухи. И зритель, как всегда, с нетерпением ждет каждого ее выхода на сцену. Хотя сама она говорит об этой роли небрежно: «Дурачусь». Какое бы ни было отношение актрисы к тому, что она делает, ясно одно: сцена

тат, репетиция — сложный и увлекательный путь к нему. На своих репетициях Марджанишвили умел подготовить актера к тем минутам вдохновения, что составляют величайшую радость актерской профессии.

У Анджапаридзе независимый и бурный нрав, поэтому у нее вспыхивали иногда ссоры даже с Марджановым, правда, неизменно кончавшиеся не менее бурным примирением.

— Сначала ничего не получалось. Мое представление роли Офелии не вышло в общий замысел Марджанишвили: например, он хотел, чтобы сцена сумасшествия игралась на смехе, а я не могла смеяться. Я изнервничалась и, наконец, отказалась от роли. Константин Александрович, зная мой характер, оставил на время меня в покое. Считаю себя отстраненной от роли, я, тем не менее, аккуратно ходила на все репетиции. И когда спектакль был уже почти готов, Марджанишвили, будучи в отличном настроении, предложил мне сыграть сцену безумия так, как хотела бы я. У меня к горлу подкатили слезы, и я играла, глотая их. «Так и оставим», — неожиданно сказал он после показа. Как я гордилась тогда! По молодости лет я считала, что сделала роль сама. Много позже мне стало понятно, что, плача либо смеясь, я все равно лишь исполняла замысел постановщика.

И еще никогда не забуду, как в день премьеры «Гамлета» перед выходом в сцену сумасшествия я ужасно испугалась. Стояла в кулисе и не могла двинуться с места. Вдруг почувствовала прикосновение руки и легкий толчок в спину. Это был Марджанишвили. С тех пор на каждом спектакле перед началом этой сцены он стоял со мной в кулисе, чтобы подтолкнуть меня на выход. Кажется, я и сейчас ощущаю это прикосновение.

Во всех воспоминаниях Верико Ивлиановна говорит не столько о себе, сколько о тех, с кем сталкивала ее судьба, о людях, оставивших свой след в ее душе.

там Софью в «Матери» Горького. И когда она уехала, режиссер не стал никем заменять ее, просто выкинул роль из спектакля. Он очень хотел, чтобы Анджапаридзе сыграла у него в «Евгении Онегине» Татьяну, и этот выбор одобрил А. В. Луначарский, сказав: «После Комиссаржевской другой такой лирической актрисы я не знаю».

Если говорить о творческом диапазоне Анджапаридзе, то ее с одинаковым правом можно назвать и лирической, и трагической, и комедийной актрисой. Немирович-Данченко видел в ней неподражаемый трагедийный дар. Разбирая одну из финальных сцен из «Дамы с камелиями», где Маргарита Готье рыдает, он сравнивал ее с Сарой Бернар: «Если бы вы видели себя, какая вы в этот момент некрасивая. И какой красивой в этой роли выглядела Сара Бернар. Но сколько бы она отдала, чтобы быть в ту минуту похожей на вас!...». Верико Анджапаридзе признана большой трагической актрисой. Ее героиням — будь то Клеопатра, Медея, Мария Стюарт или образы грузинских женщин — Джавара из «Изгнанника» и Маквала из «Пастыря» Важа Пшавела или ее киногероини — Отарова вдова, Русудан («Георгий Саакадзе»), Мать («Мать» К. Чапек) — свойствен такой напор страстей, такая буря чувств, что лежат они уже где-то за пределами человеческих возможностей — «дальше некуда, за рубежи!». Однако трагическая муза Анджапаридзе никогда не была сумрачной или надрыной, не навевала ощущения безысходности.

С блеском исполняла она и комедийные роли, среди которых особенно выделялись Мирандолина в «Хозяйке гостиницы» (где кавалером Ринафратта был Серго Закариадзе), Розина в «Женитьбе Фигаро».

Более трехсот ролей сыграла актриса на сцене театра и в кино, и каждая по-своему волновала, чем-то одаривала зрителя. Секрет здесь простой. «Нужна полная отдача себя, без этого

«ВСЕ, ЧТО ЕСТЬ В ДУШЕ СВЯТОГО, ОТДАНО ТЕАТРУ»

вания и масштабностью его пластического выражения. Вся жизнь потом стремилась я к этому».

Хочется добавить — не только стремилась, но добивалась этого. Вспоминаю ее Отарову вдову из спектакля «Сто лет назад» по И. Чавчавадзе.

...Вся в черном, медленно выходит Верико Ивлиановна на сцену. Мы видим ее такой знакомый точный профиль, гордую посадку головы. Она обводит глазами сцену, нас, сидящих в зале, задерживает взгляд на портрете Чавчавадзе. Так молча стоит она, думает свою думу: ни слова, ни звука, а мы не можем оторваться от нее глаз — такое величие, сила исходят от этой женщины.

Высочайшего трагизма достигает актриса в сцене смерти сына. Обращенное к нам лицо матери замерло в муке — еще ничего не зная, она предчувствует беду. И только увидев сына, обхватив руками его почти безжизненное тело, она понимает, что это конец. Ее руки мечутся в страхе по его груди, пытаются защитить, а может быть, удержать едва теплящуюся жизнь. Вдруг они замирают, бессильно обхватив его шею. Георгий еще в силах говорить, но это не обманывает ее. Короткий вскрик, и руки ее, круто заломленные, закрывают запрокинутое лицо.

«На сцене я не чувствую, что играю роль. Я совершенно забываю о зрительном зале, о том, что... надо зрительный зал «взять». Просто я живу в эти сорок минут как-то иначе. Мне все кажется, что я не на сцене... Дело не в том, что я свободна, раскованна. Этого недостаточно. Может быть, так сказывается опыт прожитой жизни на сцене и не на сцене? Здесь что-то более серьезное, что я пока объяснить не могу».

И когда совсем недавно я спрашивала Верико Ивлиановну, в чем же здесь сек-

для нее — целительный балзам.

Именно сцена вернула ее к жизни после смерти сына, когда все, казалось, было кончено. Она сыграла фру Альвинг в «Привидениях» Ибсена, высказала в ней свою боль. И стало легче, и надо было жить дальше. О том, что на сцене не все забывается, Анджапаридзе знает как никто другой. Помню, она рассказывала такой эпизод. На вечер памяти Марджанишвили, играя Юдифь, она неудачно упала и сломала руку. Наверное, боль была нестерпимая, но актриса ее не помнила. Она потеряла сознание, когда закончился акт. Доигрывала спектакль после огромного антракта, уже с гипсовой повязкой.

Обо всем, что связано с Марджанишвили, Анджапаридзе рассказывает с особым чувством. Это и понятно: с этим режиссером, в созданном им театре, она стала той Верико Анджапаридзе, перед которой склоняют головы несколько поколений зрителей. Он был для нее другом и учителем, неоспоримым авторитетом в делах творчества.

Верико Ивлиановна говорит, что очень любила марджановские репетиции, даже больше, чем спектакли. Спектакль — уже резуль-

так или иначе повлиявших на ее творчество. И это не от застенчивой скромности, которая ей чужда, просто «истинная величина», — как говорил поэт, — никогда не приписывает себя — самой себе, помня о премущественности, «сыновности».

Со сколькими замечательными художниками сцены встречалась за свою жизнь Анджапаридзе! Качалов, перед которым она благоговела, будучи студенткой там, в Москве, впоследствии стал ее другом, они даже выступали вместе в годы войны в Тбилиси, куда приехали актеры МХАТа во главе с Немировичем-Данченко. Качалов предложил актрисе читать с ним на его творческом вечере диалог леди Анны и Ричарда из шекспировского «Ричарда III». «Вечно влюбленный в Вас Качалов» — такую надпись сделал он на своей фотографии, подаренной Анджапаридзе. В Грузии она работала с Сандро Ахметели, Ушанги Чхендзе, Серго Закариадзе, Акакием Васадзе. Ее талантом восхищались Луначарский, Немирович-Данченко, Михоэлс, Охлопков.

У Николая Охлопкова, в тогдашнем реалистическом театре, она даже работала какое-то время — сыграла

нет актерских высот. Одно-го таланта еще мало, надо прямо-таки сумасшедше любить дело, которому ты служишь, не щадя, не жалея себя... — так считает актриса. Когда Верико Ивлиановна утверждает, что театр требует всего человека без остатка, то говорит это не ради красного словца.

«Наверное, наше поколение было другое, и время было другое, но все самое дорогое, все, что есть в нас прекрасного, мы несли на сцену. Не семье, не близким людям (это может подтвердить моя дочь Софико) доставались сокровища наших сердец. Только искусству. Я могу поклясться: все, что есть в душе святого, отдано театру. Сцена требует всего человека, со всем своим нутром, огромным сердцем. Почему нас носили на руках?! Я помню, когда Ушанги Чхендзе играл Уриэля, впечатление было такое, что у него капает кровь из сердца. А когда я умираю в «Даме с камелиями», у меня слушала пульс перед тем, как дать занавес. Если он был слабый, я радовалась, значит, сегодня хорошо сыграю»...

Софико Чиаурели в давнем нашем разговоре говорила о своей матери: «Меня просто поражает в ней эта фанатическая преданность своей профессии».

Гордость грузинской сцены, Верико Анджапаридзе всегда оставалась земным человеком с его земными обязанностями: была женой и матерью, хозяйкой большого дома. Когда я спросила ее, как ей удавалось всю жизнь совмещать несовместимое и все успевать, она развела руками:

«Надо было и успевала. Вела дом и хозяйство, ходила на рынок и торговалась, воспитывала детей, потом внуков, а сейчас уже и правнучка есть... Наш дом всегда был полон гостей, теперь, конечно, тоже. Но нам жилось намного проще. Мы все были заняты делом и не обращали внимания на быт: что было в доме, то и ставили на стол. Специально об этом не думали. Точно так же, как не заботились о мебели, модная она или нет. Нам это просто в голову не приходило. Главной нашей заботой был театр. Мы жили только им».

Талант — это всегда загадка. И сколько бы мы ни пытались разгадать его тайну, что-то остается неуловимым. А может быть, это и прекрасно?!

В. ЦЕРТЕЛИ.

На снимках: в ролях, в жизни, в работах художников...

